

*Е. Е. Фиалко*

## АМАЗОНКИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

*В статье рассматривается серия захоронений женщин с оружием периода раннего средневековья на землях Восточной Европы и Скандинавии. Исходя из номенклатуры и количества оружия, амазонки эпохи викингов входили в состав легковооруженных подразделений.*

**Ключевые слова:** амазонки, оружие, погребения, Восточная Европа, Скандинавия, эпоха викингов, раннее средневековье.

Амазонки — отважные женщины-воительницы ассоциируются, как правило, с периодом раннего железного века. Именно этим временем датируется наибольшее число могил женщин с оружием. Однако, как показал предпринятый ранее обзор разновременных погребальных памятников на различных территориях, женщины брались за оружие на просторах Евразии начиная с периода верхнего палеолита (Фиалко 2015, с. 46).

«Эпохой викингов» в странах Скандинавии (Швеции, Норвегии, Дании) называют период 9 — первой половины 1 вв. — «время воинственных и дерзких дружин отважных морских воинов-викингов, первых скандинавских королей-конунгов, древнейших дошедших до нас эпических песен и сказаний, эпоха викингов открывает начало письменной истории этих стран и народов» (Лебедев 1985, с. 4). Иными словами, это важный период раннесредневековой истории Скандинавии, Эстонии, Британских островов, Франции, Киевской Руси и Сицилии, связанный с военной, торговой и демографической экспансией скандинавов (Brink 2008, р. 4—11).

Женщины периода средневековья играли весьма неоднозначную роль. К примеру, в

письменных источниках раннесредневековых тюрок, наряду с сообщениями о высоком положении женщин, особенно во внутрисемейных отношениях, об отправлении определенных культовых функций, сообщается и о том, что жена правителя державы тюрок принимала участие в «военных предприятиях» (Лю Маоцай 2002, с. 40; Серегин 2012, с. 67). С. А. Плетнева метко назвала это остатками «матриархальной вуали» (Плетнева 1998, с. 531). Материалы погребальных памятников степных регионов в различные периоды эпохи средневековья подтверждают существование женщин-воительниц, представлявших различные социальные страты. Так, в **Дмитриевском могильнике**, исследованном в верховьях р. Северский Донец у с. Дмитриевское Шебекинского р-на Белгородской обл., принадлежавшем оседлому и полуседлому алано-болгарскому населению круга салтово-маяцкой культуры — культуры Хазарского каганата, около 30 % женских захоронений всех возрастов сопровождалось оружием, при преобладании топориков (Плетнева 1967, с. 180—190; 1983, с. 13). Выяснилось, что 70 % всех находок оружия соотносится с захоронениями молодых (18—25 лет) и старческого возраста (50—60 лет) женщин. В то же время полный набор оружия (топор, лук со стрелами, нож-кинжал и даже сабля) нередко полагался юным воительницам. Вооруженные женщины погребены в индивидуальных могилах-катакомбах, иногда в сопровождении женщин или детей (Плетнева 1989; Фиалко 2015, с. 81, рис. 55: 1—3). Основная масса погребений Дмитриевского могильника датируется 9 в. (Плетнева 1998, с. 534). Здесь следует отметить два важных обстоятельства. 1. Большинство могил женщин с оружием этого могильника

локализовано в окраинной его части (Плетнева 1983, с. 15), т. е. там, где обычно располагаются мужские **воинские** могилы. 2. Хронология могил вооруженных женщин соотносится с ранней фазой существования могильника (т. е. периодом захвата новых территорий) и заключительной фазой (когда в конце 9 — начале 10 вв. происходит резкий переход от мирной к военной жизни, связанной с угрозами нападений и битвами) (Плетнева 1983, с. 18).

Известны женские могилы с оружием ранне-средневековых тюрок и в Центральной Азии. На территории Саяно-Алтая в двух женских могилах тюркской культуры — **Бертек 34, Юстыд XII, курган 2** предметы вооружения, представленные клинковым оружием (кинжалами), сочетались с конской амуницией и характерными «женскими принадлежностями» (зеркалом, гребнем, специфическими ушными украшениями и предметами рукоделия) (Савинов 1994; Кубарев 2005; Фиалко 2015, с. 81, рис. 56: 1—2). В социуме тюрок второй половины I тыс. н. э. предметы вооружения относились к наиболее значимым атрибутам воина-кочевника (Серегин 2013, с. 116—117). При этом клинковому оружию — сабле, мечу и кинжалу — отводилась особая культурная и социальная значимость (Дмитриев 2001). С одной стороны, кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как предмет вооружения, но и как элемент костюма, и отличительный знак ранга знатного воина (Распопова 1980, с. 79; Овчинникова 1990, с. 83; Серегин, 2011). С другой стороны, мечи, кинжалы и копья упоминаются в письменных источниках как стандартное для тюркских воинов оружие (Худяков 2007, с. 115—117). Н. Н. Серегин, подробно рассмотрев предметы комплекса вооружения и их контекст в погребальном обряде ранне-средневековых тюрок Центральной Азии, заключил, «что такие находки являются отличительным показателем захоронений мужского населения. Зафиксированные традиции расположения рассматриваемых изделий в могиле в большинстве случаев определялись особенностями их ношения людьми при жизни» (Серегин 2013, с. 120). Нарушение же гендерных стереотипов при создании погребений, по мнению этого исследователя, было призвано подчеркнуть особое положение погребенных женщин (Серегин 2012, с. 64). Думается, в этом есть определенное противоречие, поскольку наличие кинжалов в двух женских могилах (исходя из выше изложенного) позволяет причислить этих персон к воинскому сословию, причем высокого ранга. И в таком случае клинковое оружие не может выступать маркером исключительно «захоронений мужского населения».

Среди половецких древностей Северного Приазовья 10—11 вв. уместно вспомнить погребение 3 кургана № 3 из недавно раскопанного курганного могильника (№ 2701) близ

**с. Дмитровка** Бердянского р-на Запорожской обл. (Папанова, Тощев 2014). При похороненной в нем девушке, помимо украшений, были витая железная гривна и два железных наконечника стрел (Папанова, Тощев, Голик 2015, рис. 3). Гривны у половцев соотносятся только с женщинами, причем представительницами высокого социального ранга (Потемкина 2010, с. 137; 2012, с. 11, 24; Папанова, Тощев, Голик 2015, с. 54, 58). Наконечники стрел в этой могиле подтверждают мнение С.А. Плетневой о том, что половецкие женщины обладали той же властью и выполняли те же обязанности, что и мужчины и могли быть воинами / амазонками (Плетнева 2003, с. 163).

Погребения воительниц эпохи викингов открыты и на территории Скандинавии. Викинги — ранне-средневековые обитатели Скандинавии, территории современных Дании, Норвегии и Швеции (Брей, Трамп 1990, с. 48).

На сегодняшний день не существует единого мнения о происхождении и значении термина «викинг». В разных местностях его определяют как: поход или участник морских походов скандинавов, древнескандинавский воин, морской разбойник, пират; морской воин, ушедший в поход за добычей; древнескандинавский национальный герой (Askeberg 1944, s. 182—183; Гуревич 1966, с. 80—81; Комарова 1994, с. 125; Хлевов 2002, с. 648; Вурне 2005; Семотюк 2008, с. 123). В исландских сагах XIII в. викингами называли необузданных и кровожадных людей, занятых грабежом и пиратством (Гуревич 1966, с. 80).

Роль и место женщины в обществе эпохи викингов Скандинавии неоднократно обсуждались и корректировались специалистами (Dommasnes 1979; 1982; Jesch 1991; Callmer 2006; Norrman 2008; Gardela 2013b и др.)<sup>1</sup>. Археологическими исследованиями зафиксированы захоронения женщин с оружием 8—11 вв. в могильниках Дании, Норвегии и Южной Швеции. В то же время на землях Исландии, а также Западной и Центральной Европы (в частности Франции, Германии и Польши) такие захоронения пока не отмечены (Gardela 2013b, p. 276). О присутствии амазонок в Скандинавии эпохи викингов свидетельствует относительно небольшая серия, насчитывающая шестнадцать погребальных комплексов.

На территории **Дании** известно три захоронения женщин с оружием, совершенных по обряду ингумации.

**Могила ВВ из могильника Bogøvej (Langeland)** представляла собой яму с обугленными деревянными конструкциями (стены и крыша) внутри, отмеченную на поверхности

1. Выражаю искреннюю благодарность ст. н. с. отдела археологии энеолита — бронзового века ИА НАНУ, к. и. н. А. В. Дяченко за рекомендацию научных работ по этой проблематике.

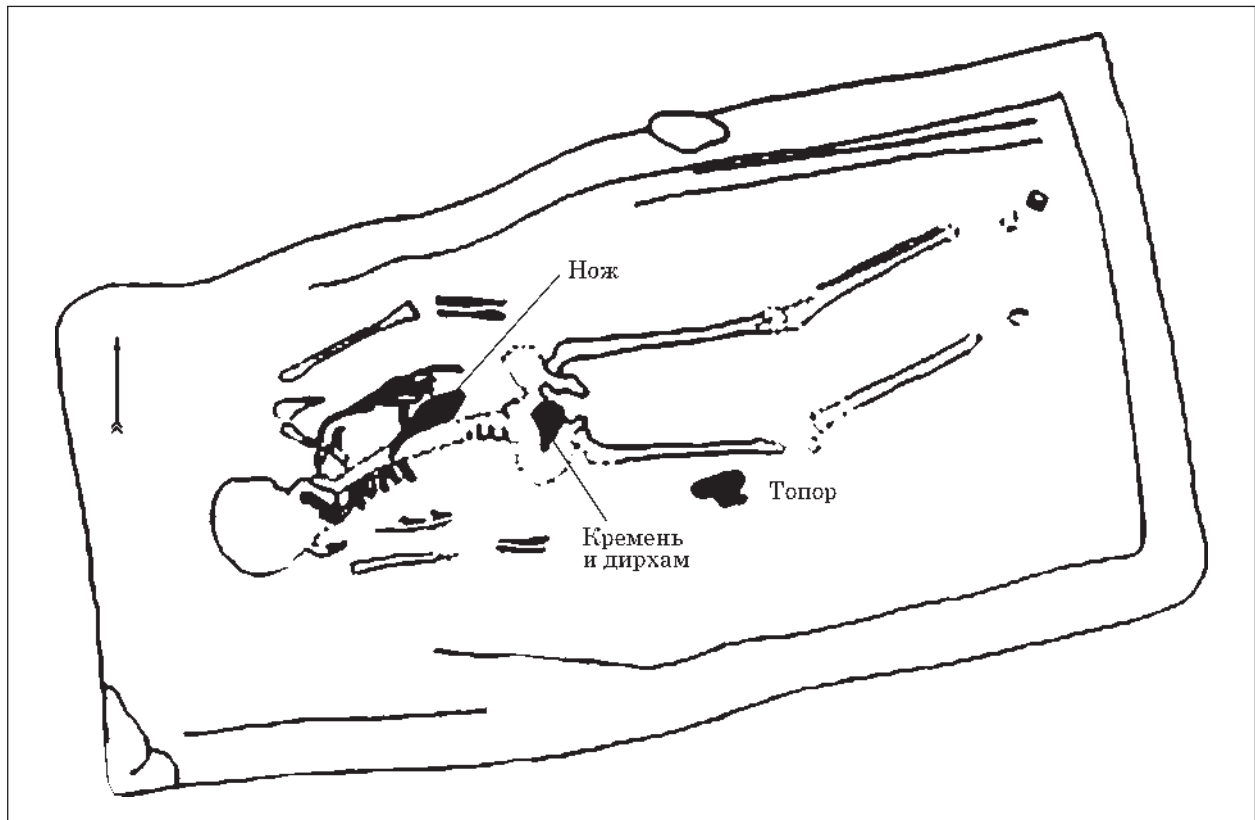


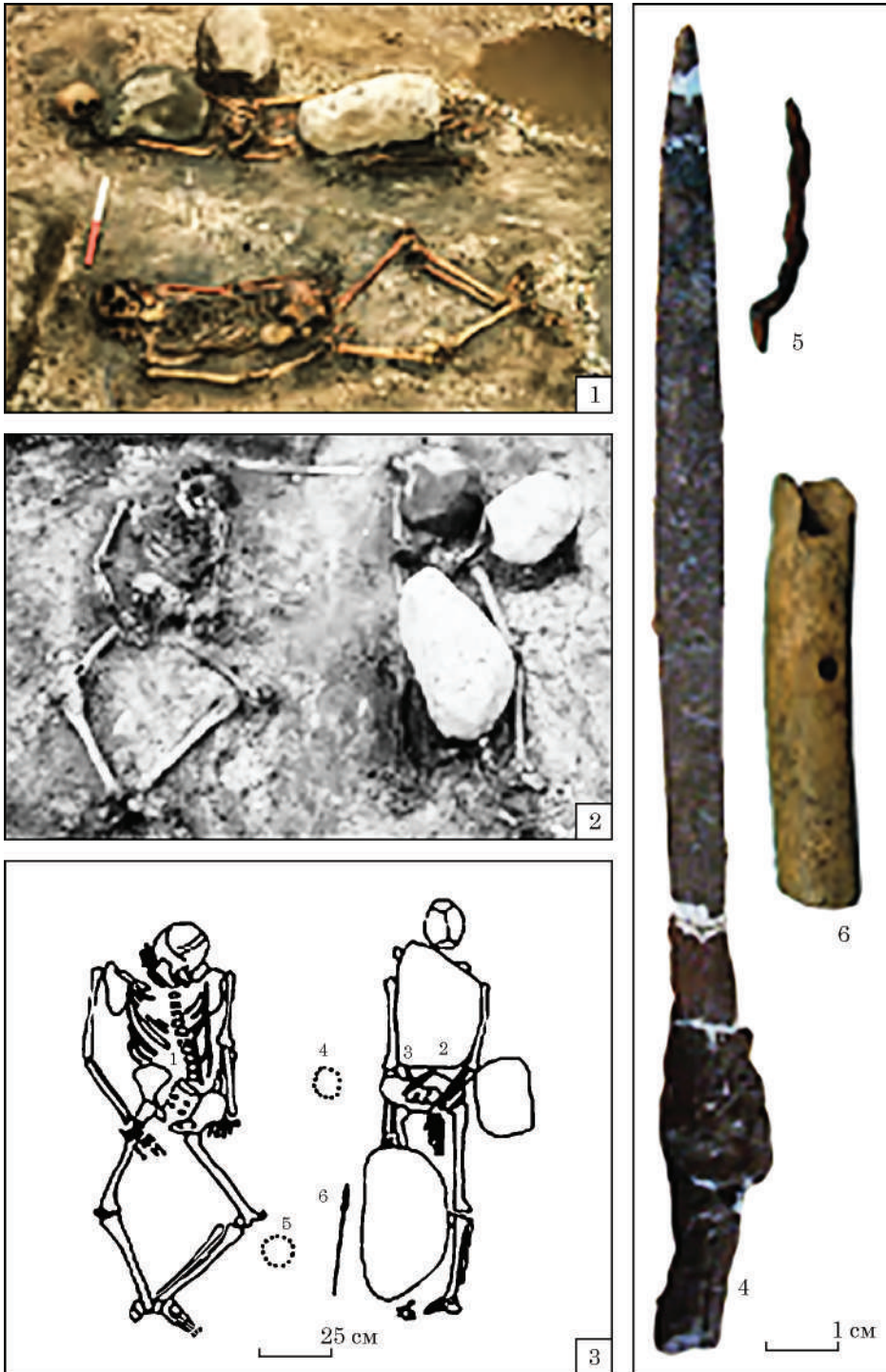
Рис. 1. Погребение женщины с оружием из могилы ВВ могильника Вогшвей (Дания) (по: Gardela 2013b)

крупным камнем, поставленным вертикально. Молодую женщину 16—18 лет положили в гроб вытянуто на спине, головой на запад (рис. 1). Сопроводительный инвентарь составили: железный топор (у правого колена), железный нож (на груди), кремь, фрагмент серебряного арабского дирхема (дирхама), еще несколько фрагментов обожженного кремня и фрагменты керамики (Grøn, Hedeager, Bennike 1994, p. 154, 156). Эта могила была одной из наиболее удаленных (или уединенных, по определению Лешека Гарделы) от остальных в могильнике (где открыто 49 могил), что может означать особый статус похороненной в ней женщины (Gardela 2013b, p. 279).

**Могила из могильника Gerdrup (Sjælland)** самая известная из женских захоронений викингов с оружием (Christensen 1981; 1997; Lauritsen, Kastholm Hansen 2003; Gardela 2012; 2013a и др.). Парное захоронение совершено в обширной яме (рис. 2). Оба погребенных лежали параллельно на спине, головами на север. Антропологический анализ показал, что мужчина, вероятно, умер через повешение, ноги его были связаны веревкой. При нем был лишь железный нож на груди. В правой части камеры лежала женщина, тело которой придавили двумя валунами. С ней соотносятся: костяная игольница с железной иглой и железный нож, лежавший на талии, и длинный железный наконечник копья у ее правой ноги. Дата последнего определяется 9 в. Это погребение

отличают две детали: 1 — каменный «заклад», благодаря которому, очевидно, опасную (воинственную и слишком агрессивную?) покойницу надежно изолировали от мира живых; 2 — наличие копья — крайне редкой находки для женских захоронений викингов (в Дании отмечено два случая, в то время как в Швеции копья соотносятся и с женщинами) (Gardela 2013b, p. 280—281).

**Могила A-505 из могильника Trekroner-Grydehøj (Sjælland)** представляла собой большую яму, в которую положили женщину 25—30 лет вытянуто на спине, головой на север (рис. 3). Сопроводительный инвентарь лежал у правой руки — деревянный сундук с железным крепежом, два ножа, деревянный ковш с железной дужкой-ручкой и копье с бронзовым наконечником, примотанным бронзовой проволокой к тонкому деревянному древку. В ногах женщины положили собаку и части туши овцы, а слева вдоль стенки, частично перекрывая тело женщины, уложили лошадь. Затем погребенных «накрыли» крупными камнями и сверху засыпали слоем мелких камней и грунта (Ulriksen 2011, p. 175, 178, 193). Необычным в этой могиле оказалось копье. Оригинальная форма наконечника подвела исследователей к мысли о том, что этот предмет является своеобразным магическим жезлом, который мог использоваться во время магических ритуалов (Ulriksen 2011, p. 217; Gardela 2012; 2013b, p. 284).



**Рис. 2.** Погребение женщины с оружием из могильника Gerdrup (Дания): 1, 2 — фото; 3 — план (1, 2 — ножи; 3 — костяная игольница; 4, 5 — фрагменты овечьих черепов; 6 — железный наконечник копья); 4, 5 — фрагменты овечьих черепов; 6 — железный наконечник копья; 5 — железная игла; 6 — костяная игольница (по: Gardela 2013b)

Для всех трех могил характерна несколько удаленная от остального массива могил локализация. Кроме того, в них найдены редкие для женщин предметы — топор и копья. Эти обстоятельства позволили Л. Гарделе выдвинуть предположение об особом статусе похороненных в них женщин, которые могли заниматься магией или колдовством (Gardela 2012; 2013b, p. 284).

На территории **Норвегии** отмечено две одиночных могилы с оружием.

В могильнике **Морем (Mårem (Telemark))** раскопано три могилы, одна из которых прина-

длежит женщине (Engh 2009). Захоронение совершено в большой яме размерами 2,20—2,30 × 1,0 м, по обряду ингумации — вытянуто на спине, головой на юг. Вещевой набор ее состоял из: трех бронзовых фибул (две с позолотой); пары ожерелий и браслета из бусин, бронзовой трубки-амулетницы, напоминающей игольницы; серебряного кольца на пальце правой руки; железного топора у левой руки; железного серпа в ногах. Кроме того, в могиле сохранились остатки шерстяной, льняной и шелковой тканей. Наличие импортных вещей (византийского или ближневосточного производства)

позволили усматривать в этой женщине чужестранку или особу, контактировавшую с людьми из дальних земель (Gardela 2013b, p. 287).

**Могила в Лёве близ Ларвик в Вестфолде (Løve near Larvik (Vestfold))** была устроена в пределах каменного кольца эпохи бронзы. Девочку-подростка 10 лет похоронили в богатой одежде, дополненной шалью хорошего качества (по-видимому, сделанной в 8 в.). Убор дополняли низка бус из стекла и янтаря, и импортное византийское кольцо 8 века на пальце. У головы лежал топор, в ногах — обезглавленная лошадь, на месте головы которой сохранилась уздечка с бронзовыми деталями (четырьмя колокольчиками и погремушкой). Кроме того обнаружены четыре железные подковы (Gardela 2013b, p. 286).

На этой территории известно еще несколько могил, где присутствовали останки женщин и оружие: парное (?) захоронение в **могиле Усеберг (Oseberg grave (Vestfold))** и несколько могил в наиболее полно раскопанном могильнике **Каупанг (Vestfold)**, совершенных по обряду кремации, содержавших топоры (№ 3, 10) и набор из топора, меча и конской сбруи (№ 16). Однако, относительно могильника Каупанг ввиду кремаций нет полной уверенности в том, что захоронения были одиночными (Stylegar 2007, p. 83—84; Gardela 2013b, p. 288—290), поэтому ограничусь здесь лишь их упоминанием. Спорной оказалась и интерпретация могилы Усеберг (Oseberg) — на основании последних антропологических определений она рассматривается как захоронение двух женщин (Holck 2006; Varberg 2011), в инвентаре которых, помимо прочего, были два топора и конская сбруя. С учетом этих предметов и главное — подошвы еще одного башмака в этой могиле, помимо двух пар обуви, Ф. Андрощуком сделано предположение о захороненном тут третьем покойнике — мужчине. При этом отсутствие каких-либо реальных признаков мужского захоронения (кроме подошвы) объясняется «ритуальным» изъятием его из могилы для использования его костей в магических ритуалах (к примеру, для изготовления амулетов) (Androshchuk 2005, p. 124—126) либо политическим актом, связанным с осквернением могилы предков (Bill, Daly 2012, p. 808). Как справедливо отметил Л. Гардела, оба эти предположения пока бездоказательны (Gardela 2013b, p. 291), поэтому и здесь пока ограничусь лишь упоминанием комплекса.

Стоит отметить, что в упомянутых выше норвежских погребальных комплексах, захоронения совершены как по обряду ингумации, так и по обряду кремации. Оружие представлено преимущественно топорами. При этом сопутствующий инвентарь довольно дорогой, что должно маркировать высокий статус похороненных женщин.

К числу погребений женщин с оружием на территории **Южной Швеции** безоговорочно

относится два комплекса, совершенных по обряду кремации.

Широко известна **могила 59:3 из Клинта (Klint (Öland))**. Считается, что женщина и мужчина (из могилы 59:2) были кремированы вместе на корабле, затем их останки с наборами заупокойного инвентаря похоронили в индивидуальных могилах. В могильную яму сложили кремированные останки женщины. Среди вещевого набора здесь присутствовали: железные жезл и топор, ювелирные изделия, бронзовые сосуды, инструменты для деревообработки, гончарный сосуд с частью останков мужчины. Сверху яму перекрыли шестиугольной крышкой, сплетенной из прутьев, обмазанных глиной. Поверху отмечены остатки погребального костра и кости кремированных животных (кошки, коровы, собаки, лошади, свиньи, овцы и птицы), перекрытые затем каменной насыпью кургана (Price 2002, p. 144—145).

В **кургане А-24 на берегу озера Далсторп (Lake Dalstorp (Västergötland))** 10 в. останки кремированной женщины были разбросаны по кругу. Среди костей найдены: 10 ножей, бусы, броши и гребни. Через какое-то время, когда огня уже не было, в могилу вертикально воткнули пять копий и перекрыли грунтовой насыпью. Позднее в центре насыпи вырыли углубление, в которое поместили нож и пару овальных фибул-брошей (Artelius 2005, s. 264—266). Такое необычно большое количество колющих и режущих предметов в одной могиле расценивается как защита от агрессивных покойников, предотвращение возможности их возвращения в мир живых (Artelius 2005, s. 271—272). В иных комплексах этой же цели служила каменная наброска в могиле.

Еще три женских кремационных могилы, наряду с разнообразным инвентарем и костями животных, содержали по несколько наконечников стрел: в **могильнике Неннесмо (Nennesmo (Finnveden))** могила 4 — два экземпляра, могила 22 — три экземпляра; могила из **Кепингсвик (Köpingsvik in Öland)** — один экземпляр. В последнем случае в комплексе найден и миниатюрный бронзовый наконечник копья (Svanberg 2003, p. 197, 199, 253; Gardela 2013b, p. 296).

Как будто особняком в выборке стоит комплекс **могилы Bj. 834 из Бирки (Birka (Uppland))**, совершенной по обряду ингумации. В ее камере мужчину и женщину похоронили в сидячем положении — женщина сидела на коленях у мужчины. Их сопровождала пара коней и богатый инвентарь (Price 2002, p. 132—139). В его набор входил и комплект оружия: боевой нож, меч в деревянных ножнах, стрелковый набор из лука и 15 стрел; щит с умбоном и жезл с деревянным древком. Судя по расположению в могиле, щит с умбоном и бронзовое копьё (или жезл) предположительно соотносятся с женщиной. В то же время, копьё-

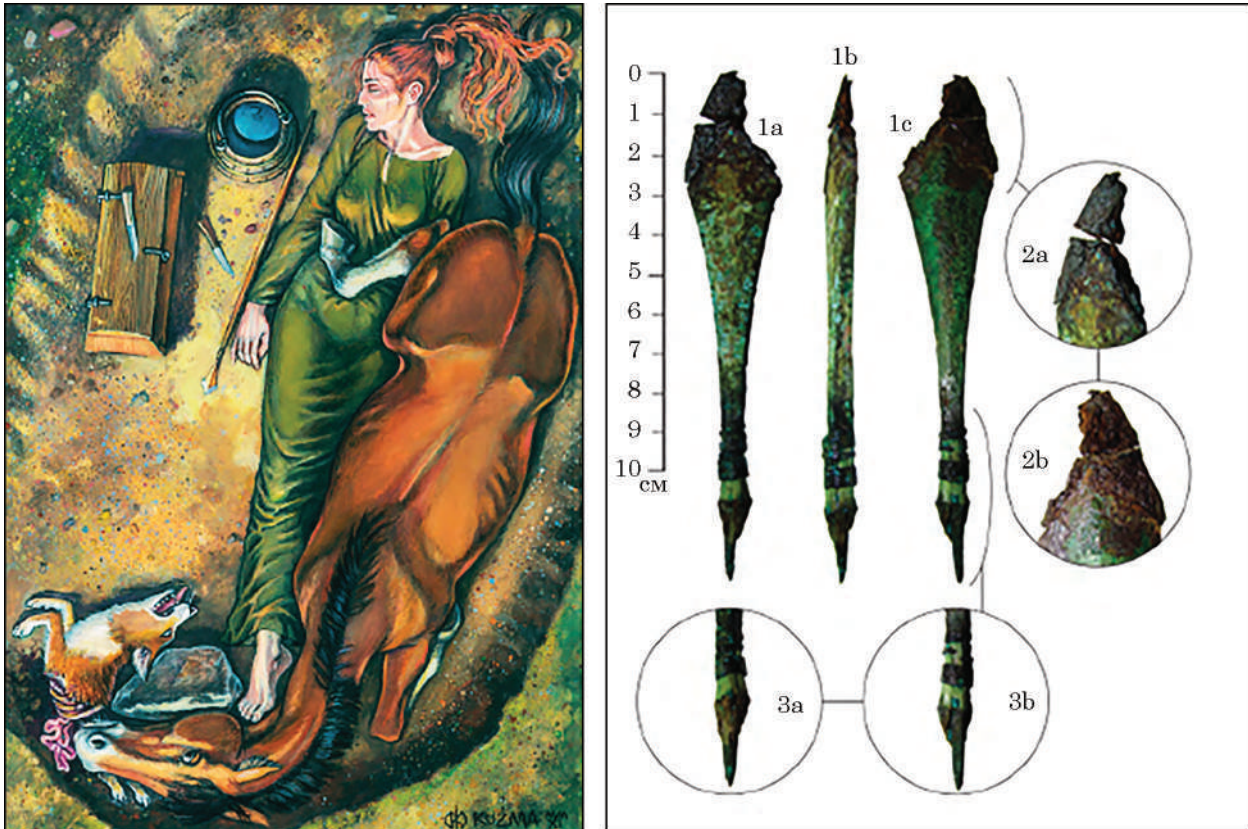


Рис. 3. Погребение женщины с оружием из могилы А-505 могильника Trekrøner-Grydehøj (Дания): 1 — реконструкция (рис. М. Кuzма); 2 — наконечник копья (фото L. Gardela) (по: Gardela 2013b)

жезл рассматривается как атрибут ритуальных отправлений, производимых женщиной. Кроме того, здесь, как и в предыдущем случае, копьё было воткнуто в возвышение, на котором лежали кони, как заключительный элемент погребального ритуала перед закрытием могилы (Gardela 2013b, p. 294).

Пожалуй, наиболее интересным и важным в данном контексте является комплекс **могилы Vj. 581 из Бирки**, отличающийся хорошей сохранностью (Stolpe 1889; Arbman 1943, 188—190, abb. 143; Thålin-Bergman 1986). Захоронение также совершено по обряду ингумации (рис. 4). На дне прямоугольной ямы, в центральной ее части, лежал скелет погребенного индивида — на боку, с согнутыми в локтях руками и слабо согнутыми в коленях ногами. В состав заупокойного сопровождения, помимо посуды, входили: меч, топор, копьё, броневой стрелы, боевой нож, два щита, стремяна и две лошади (кобыла и жеребец). Кроме того, здесь обнаружен набор игральных предметов, который, по мнению ряда исследователей, должен свидетельствовать о познаниях погребенного в области тактики и стратегии (van Hamel 1934, Whittaker 2006). Последнее обстоятельство, в сочетании с полным набором снаряжения профессионального воина, позволило усматривать в погребенном мужчину — военачальника высокого ранга (Arbman 1943; Gräslund 1980). В результате предпринятого в 1970-х гг.

osteологического анализа скелет определили как женский. Позже, тщательный контекстуальный анализ и полное исследование osteологического материала позволили заключить, что могила принадлежит женщине старше 30 лет (Kjellström 2016). Однако, некоторые исследователи традиционно сомневались в возможности подобной интерпретации, рассматривая оружие в женских могилах либо как своеобразные реликвии, либо как символы статусности, либо как принадлежности мужского захоронения, первоначально находившегося в могиле (Hernæs 1984; Moen 2011; Gardela 2013b). К тому же, как будто усиливало такие сомнения отсутствие каких-либо аксессуаров, характерных для женских захоронений, и следов травм. Поэтому коллективом ученых были проведены сложные многоступенчатые исследования osteологического материала, включавшие стандартные методы для морфологических показателей, анализ ДНК, изотопный анализ стронция. В итоге геномные результаты выявили отсутствие Y-хромосомы и, следовательно, женский биологический пол индивида из этой могилы. Анализ ДНК показал генетическую близость женщины к современным северным европейцам (жителям Британских островов — Англии и Шотландии, Северных Атлантических островов — Исландии и Оркнейских островов, Скандинавии — Дании и Норвегии и в меньшей степени Восточной Балтийской Европы — Лит-

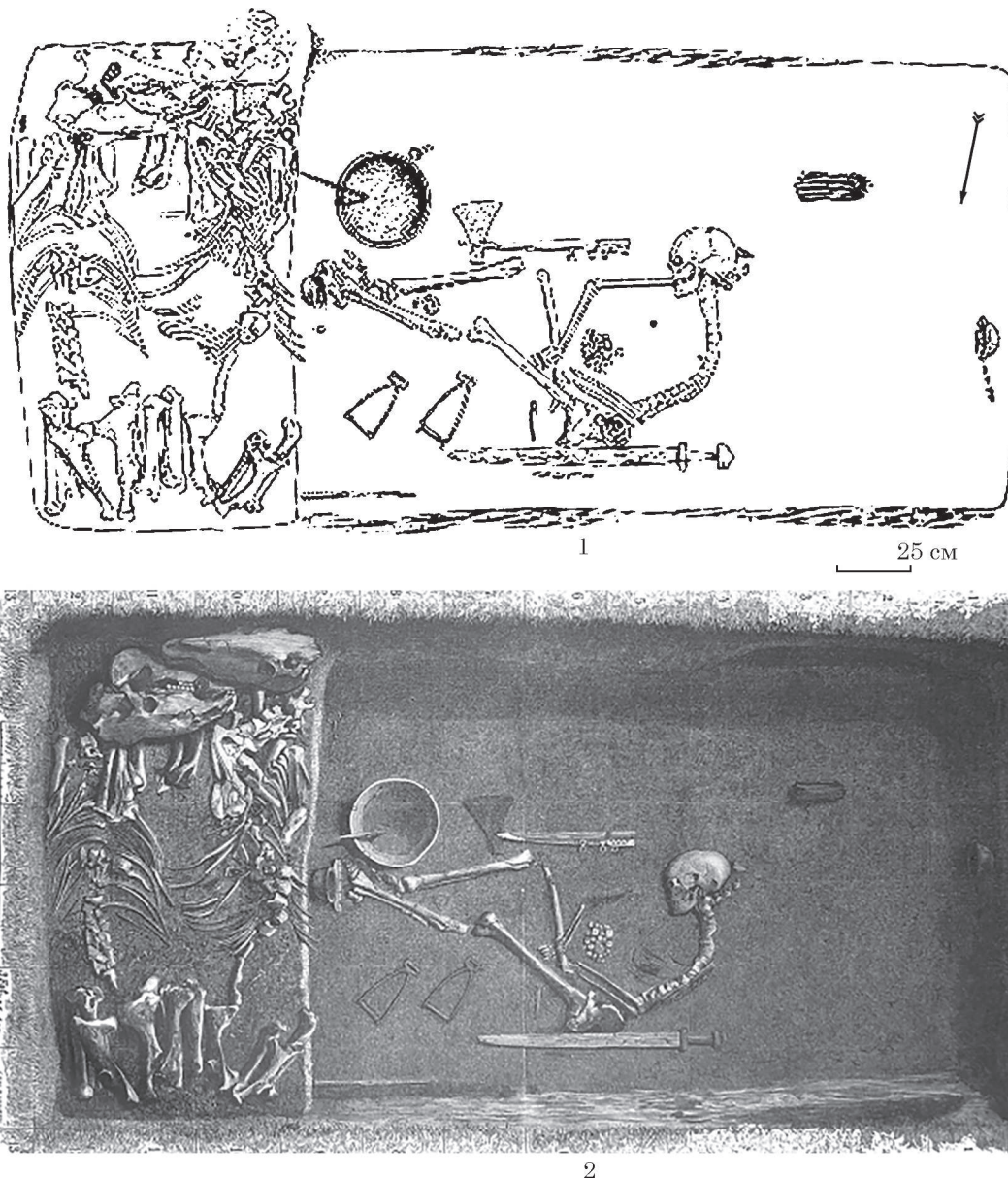


Рис. 4. Погребение воительницы из могилы Bj. 581 из Бирки (Швеция): 1 — план (по: Arberman 1943); 2 — реконструкция Evald Hansen (по: Grooms 2017)

вы и Латвии), а внутри Швеции — к жителям южного и центрального ее регионов. Полученные значения изотопов стронция позволили говорить о подвижном образе жизни женщины в раннем возрасте. А сравнение с данными других индивидуумов Бирки привело к заключению, что эта женщина-воин не локального происхождения (Hedenstierna-Jonson, Kjellström et al. 2017).

Новейшие исследования человеческих останков из могилы Bj 581 дали важные для нас результаты. Они не только подтвердили наличие женщин-воинов в обществе викингов, что, надеюсь, наконец-то поставит точку в многолетних дискуссиях. Предпринятая идентификация впервые засвидетельствовала, что в числе воинов высокого ранга у викингов были и женщины.

\* \* \*

Как видим, в эпоху викингов на территории Западной Европы сосуществовали две формы погребальной практики — ингумация и кремация, причем обе они имели массу нюансов, прежде всего, регионального характера, хотя нередко различия отмечались и внутри одного могильника. Последнее могло быть связано с принадлежностью погребенных женщин к различным этносам (Svanberg 2003; Price 2008; 2012; Gardela 2013b, p. 275).

Рассматривая могилы вооруженных женщин викингов, Л. Гардела более склонен усматривать в них захоронения служительниц культа, а в оружии — принадлежности неких магических действий и обрядов либо атрибутов повседневной хозяйственной жизни (вплоть до того, что «некоторые мечи или копья иног-

да могли быть использованы в процессе ткачества» (Gardela 2013b, p. 284, 299, 306). В то же время автор, как будто в противоречие предыдущей гипотезе, вспоминает произведения искусства с изображениями воительниц и древнескандинавские тексты, в которых говорится, что женские персонажи брались за оружие, чтобы продемонстрировать свою силу, защитить свое доброе имя или честь своих семей (Gardela 2013b, p. 301—302, 306) — то есть оружие ими использовалось по своему прямому назначению. И, тем не менее, подводя итог своих исследований погребальных комплексов викингов, Л. Гардела отметил, что еще слишком рано утверждать о реальном существовании женщин-воинов за пределами страниц средневековых рукописей (Gardela 2013b, p. 307).

Уважая позицию автора и его сомнения в вопросе прямого использования оружия скандинавскими женщинами, позволю себе не согласиться с ним по нескольким причинам. *Во-первых*, Л. Гардела неоднократно отмечал, что оперирует только теми археологическими комплексами, для которых проводились антропологические определения, т. е. они достоверно принадлежат к числу женских. *Во-вторых*, оружие в них представлено разными типами, что не противоречит художественным и литературным источникам. *В-третьих*, даже отдавая дань изобретательности женщин в умении адаптировать имеющиеся под рукой предметы к сложившимся обстоятельствам, вряд ли меч и топор им служили в качестве кухонной утвари, как собственно и мужчинам. *В-четвертых*, дважды в могилах женщин найдены так называемые копьё-жезлы с неординарными бронзовыми наконечниками. Их рассматривают как некий ритуальный атрибут, но в **могиле Vj. 834 из Бирки** ему сопутствует щит, что, на мой взгляд, склоняет к мысли о принадлежности этого предмета (древка с металлическим наконечником) к разновидности оружия. *В-пятых*, оружие викингов, как правило, клали в могилы воинов, хотя в некоторых случаях единичные экземпляры наконечников стрел (особенно архаичных) могли входить в некий ритуальный набор, но в таком случае должны быть в наличии и иные его элементы. В могилах викингов оружие полагалось бондам — свободным представителям общества, и оно призвано было подчеркивать и сохранять социальный статус умершего в загробном мире. Думается, именно в этом качестве его положили и в женские могилы викингов.

Приведенные выше погребальные комплексы раннего средневековья позволяют сделать ряд наблюдений.

1. Воительниц, как правило, погребали в индивидуальных могилах и лишь изредка в сопровождении женщины или ребенка. Только в двух случаях из шестнадцати (могильник Gerdrup, Дания; могила Vj. 834 из могильника

Бирка, Швеция) в одной могиле захоронили пару — женщину и мужчину. При этом по социальному статусу женщина не уступала мужчине.

2. Могилы амазонок обычно не составляли особой группы в некрополе, а локализованы среди воинских захоронений.

3. Относительно обряда захоронения амазонок можно отметить, что если для территории Восточной Европы и Центральной Азии характерно труположение, то в некрополях Западной Европы наблюдаются проявления биритуализма. При этом на территории Дании для них отмечен только обряд ингумации, в то время как на территории Норвегии и Южной Швеции оба обряда представлены одинаковым количеством могил. Не исключено, что таким образом маркировалась этническая принадлежность погребенных женщин.

4. Возрастной диапазон воительниц достаточно широк — от 10 до 50—60 лет, при этом среди них преобладают молодые женщины.

5. Оружие представлено экземплярами, предназначенными как для дистанционного (луки и стрелы, копьё), так и для ближнего боя (мечи, ножи, топоры). Причем совершенно очевидно, что женщины в этот период отдавали явное предпочтение топорам (что совершенно не характерно для более раннего времени). При этом стоит отметить, что количество единиц оружия в одном комплексе, как правило, невелико — одна — две единицы. И лишь в одном комплексе (курган А-24 на берегу озера Далсторп) отмечено пять вертикально воткнутых копий и 10 ножей, что не характерно и для мужских захоронений, и еще в одном (могила Vj. 581 из Бирки) — полный набор воинского снаряжения (меч, топор, копьё, бронебойные стрелы, боевой нож, два щита).

6. Несколько могил воительниц сопровождались одним конем (могила А—505 из могильника Trekrøner-Grydehøj; могила в Лёве близ Ларвик в Вестфоле) и одна (могила Vj. 581 из Бирки) парой коней, или набором конской амуниции (Бертек 34; Юстыд XII, курган 2; могила 16 могильнике Каупанг; могила Усеберг). Следовательно, женщины могли воевать и в конном бою.

7. Наборы сопроводительного инвентаря воительниц демонстрируют их принадлежность к различным социальным стратам, включая военачальников.

К сказанному выше добавлю, что женщины эпохи викингов, как и амазонки раннего железного века, брались за оружие наравне с мужчинами в моменты острой необходимости — периоды захвата новых территорий либо обороны своих земель от внешнего врага. Военная подготовка была, видимо, обычным занятием части женского населения, начиная с детства, о чем свидетельствует возраст похороненных с оружием (могила девочки 10 лет в Лёве близ



Ларвик в Вестфоле, Норвегия). При этом, судя по номенклатуре и количеству оружия, амазонки и здесь входили преимущественно в состав легковооруженных подразделений.

## ЛИТЕРАТУРА

- Брей, У., Трамп, Д. 1990. *Археологический словарь*. Москва: Прогресс.
- Гуревич, А. Я. 1966. *Походы викингов*. Москва: Наука.
- Дмитриев, С. В. 2001. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии. В: Фроянов, И. Я., Астахов, С. Н. (ред.). *Евразия сквозь века*: Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 234-237.
- Комарова, Л. Н. (ред.). 1994. *Современный словарь иностранных слов*. Санкт-Петербург: Дуэт.
- Кубарев, Г. В. 2005. *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Лебедев, Г. С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: ЛГУ.
- Лю Маоцай. 2002. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. *Бюллетень Общества востоковедов*, приложение 1.
- Овчинникова, Б. Б. 1990. *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X вв.* Свердловск: УрГУ.
- Папанова, В. А., Тощев, Г. Н. 2014. Курганы у с. Дмитровка Бердянского района Запорожской области. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XVII, с. 107-121.
- Папанова, В. А., Тощев, Г. Н., Голик, А. А. 2015. Раскопки курганного могильника у с. Дмитровка Бердянского района Запорожской области. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XVIII, с. 52-76.
- Плетнева, С. А. 1967. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. Москва: Наука. Материалы и исследования по археологии СССР, 142.
- Плетнева, С. А. 1983. Средневековые «амазонки» в европейских степях. В: Пряхин, А. Д. (ред.). *Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э.* Воронеж: ВГУ, с. 9-20.
- Плетнева, С. А. 1989. *На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс*. Москва: Наука.
- Плетнева, С. А. 1998. «Амазонки» как социально-политическое явление. В: Кукушкин, Ю. С. (ред.). *Культура славян и Русь*. Москва: Наука, с. 529-537.
- Плетнева, С. А. 2003. *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XIII века)*. Воронеж: ВГУ.
- Потемкина, Т. М. 2009—2010. Социокультурный аспект женских половецких погребений со статусными предметами. *Донецкий археологічний збірник*, 13—14, с. 135-144.
- Потемкина, Т. М. 2012. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами). *Степи Европы в эпоху средневековья*, 10: Половецкое время, с. 7-36.
- Распопова, В. И. 1980. *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. Ленинград: Наука.
- Савинов, Д. Г. 1994. Могильник Бертек 34. В: Молодин, В. И. (ред.). *Древние культуры Бертекской долины*. Новосибирск: Наука, с. 104-124.
- Семотюк, О. П. 2008. *Сучасний словник іноземних слів*. Харків: Ранок.
- Серегин, Н. Н. 2011. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая. *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология*, 4/2 (72/1), с. 180-185.
- Серегин, Н. Н. 2012. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2 (17), с. 61-69.
- Серегин, Н. Н. 2013. Социальный контекст комплекса вооружения в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии. *Краткие сообщения Института археологии*, 231, с. 113-122.
- Фиалко, Е. Е. 2015. Амазонки во времени и пространстве. *Археологія і давня історія України*, 4 (17): Археологія і простір, с. 46-99.
- Хлевов, А. А. 2002. *Предвестники викингов. Северная Европа в I—VIII веках*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Худяков, Ю. С. 2007. *Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Androshchuk, F. 2005. En man i Osebergsgraven? *Fornvännen*, 100, S. 115-128.
- Arbman, H. 1943. *Birka. Undersökningar och Studien*, I: Die gräber. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Artelius, T. 2005. The Revenant by the Lake. Spear Symbolism in Scandinavian Late Viking Age Burial Ritual. In: Artelius, T., Svanberg, F. (eds.). *Dealing with the Dead. Archaeological Perspectives on Prehistoric Scandinavian Burial Ritual*. Stockholm: National Heritage Board, p. 261-276.
- Askeberg, F. 1944. *Norden och Kontinenten i gammal tid. Studier i forngermansk kulturhistoria*. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktr.
- Bill, J., Daly, A. 2012. The Plundering of the Ship Graves from Oseberg and Gokstad: an Example of Power Politics? *Antiquity*, 86, p. 808-824.
- Brink, S. 2008. Who were the Vikings? In: Brink, S., Price, N. (eds.). *The Viking World*. London, New York: Routledge, p. 4-11.
- Byrne, F. J. 2005. The Viking age. In: Cróinín, D. Ó. (ed.). *A New History of Ireland: Prehistoric and early Ireland*, 1. Oxford University Press, p. 609-634.
- Callmer, J. 2006. Ornaments, Ornamentation, and Female Gender. Women in Eastern Central Sweden in the Eighth and Early Ninth Centuries. In: Andrén, A., Jennbert, K., Raudvere, C. (eds.). *Old Norse Religion in Long Term Perspectives. Origins, Changes and Interactions*. An International Conference in Lund, June 3—7, 2004. Lund: Nordic Academic Press, p. 189-194.
- Christensen, T. 1981. Gerdrup-graven. *Romu*, 2, p. 19-28.
- Christensen, T. 1997. The Armed Woman and the Hanged Thrall. In: Birkebæk, F. (ed.). *The Ages Collected from Roskilde Museum*. Roskilde: Roskilde Museum, p. 34-35.
- Dommasnes, L. H. 1979. Et gravmateriale fra yngre jernalder brukt til e belyse kvinners stilling. *Viking*, 42, S. 95-114.
- Dommasnes, L. H. 1982. Late Iron Age in Western Norway. Female Roles and Ranks as Deduced from an Analysis of Burial Customs. *Norwegian Archaeological Review*, 15, p. 70-84.
- Engh, A. K. 2009. Rike importfunn i vikingtidsgravner. In: Bergstam, J. (ed.). *Arkeologiske undersøkelser*

2003—2004. *Katalog og artikler*. Oslo: Kulturhistorisk Museum Fornminneseksjonen, p. 147-165.

Gardela, L. 2012. Pochywki i groby atypowe w świecie wikingów. Dawne problemy i nowe pytania. *Obcy. Funeralia Lednickie*, 14, s. 379-401.

Gardela, L. 2013a. The Dangerous Dead? Rethinking Viking Age Deviant Burials. *Studia Mediaevalia Septentrionalia*, 23, p. 99-136.

Gardela, L. 2013b. «Warrior-women» in Viking Age Scandinavia? A preliminary archaeological study. *Analecta Archaeologica Ressoiviensia*, 8, p. 273-340.

Gräslund, A-S. 1980. *Birka: Untersuchungen und Studien IV, The burial customs: A study of the graves on Björkö*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Grooms, K. 2017. The Bones Didn't Lie: DNA Proves Viking Warrior was a Woman. *Promega Connections*. September 22.

Grøn, O., Hedeager Krag, A., Bennike, P. 1994. *Vikingetidsgavpladser på Langeland*. Rudkøbing: Langelands Museum.

van Hamel, A. G. 1934. The Game of the Gods. *Arkiv For Nordisk Filologi*, 50, p. 218-242.

Hedenstierna-Jonson, C., Kjellström, A., Zachrisson, T., Krzewińska, M., Sobrado, V., Price, N., Günther, T., Jakobsson, M., Götherström, A., Stora, J. 2017. A female Viking warrior confirmed by genomics. *American Journal of Physical Anthropology*, 8, p. 1-8.

Hernæs, P. 1984. C 22541 a—g. Et gammelt funn tolkes på ny. *Nicolay*, 43, s. 31-39.

Holck, P. 2006. The Oseberg Ship Burial, Norway: New Thoughts on the Skeletons from the Grave Mound. *European Journal of Archaeology*, 9 (2—3), p. 185-210.

Jesch, J. 1991. *Women in the Viking Age*. Woodbridge: Boydell.

Kjellström, A. 2016. People in transition: Life in the Mälaren Valley from an Osteological Perspective. In: Turner, V. (ed.). *Shetland and the Viking World: Papers from the Proceedings of the Seventeenth Viking Congress 2013*. Lerwick: Shetland Amenity Trust, p. 197-202.

Lauritsen, T., Kastholm Hansen, O. T. 2003. Transvestite Vikings? *Viking Heritage Magazine*. 1, p. 14-17.

Moen, M. 2011. *The Gendered Landscape. A discussion on gender, status and power in the Norwegian Viking Age landscape*. Oxford: Archaeopress. British Archaeological Reports International Series, 2207.

Normann, L. E. 2008. *Viking Women. The Narrative Voice in Woven Tapestries*. Amherst, New York: Cambria Press.

Price, N. S. 2002. *The Viking Way: Religion and War in Late Iron Age Scandinavia*. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History Uppsala University.

Price, N. S. 2008. Dying and the Dead: Viking Age Mortuary Behaviour. In: Brink, S., Price, N. (eds.). *The Viking World*. London, New York: Routledge, p. 257-273.

Price, N. S. 2012. Mythic Acts. Material Narratives of the Dead in Viking Age Scandinavia. In: Raudvere, C., Schjmdt, J. P. (eds.). *More than Mythology. Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in Pre-Christian Scandinavian Religions*. Lund: Nordic Academic Press, p. 13-46.

Stolpe, H. 1889. Ett och annat på Björkö. *Ny Illustrerad Tidning*, 25. S. 4-16.

Stylegar, F. A. 2007. The Kaupang Cemeteries Revisited. In: Skre, D. (ed.). *Kaupang Excavation Project Publication Series*, I. Aarhus: Aarhus University Press, p. 65-101.

Svanberg, F. 2003. *Death Rituals in South-East Scandinavia AD 800—1000. Decolonizing the Viking*

*Age 2*. Lund: Institute of Archaeology University of Lund. *Acta Archaeologica Lundensia Series 4*, 24.

Thålin-Bergman, L. 1986. Die Waffengräber von Birka. In: Arwidsson, G. (ed.). *Birka II: 2: Untersuchungen und Studien. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, p. 4-10.

Ulriksen, J. 2011. Spor af begravelsesritualer i jordfæstegrave i vikingetidens Danmark. *Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab og fagområdet Arkæologi. KUML*, S. 161-245.

Varberg, J. 2011. A Norwegian Viking Queen and a Warrior Prince. In: Skov, H., Varberg, J. (eds.). *Aros and the World of the Vikings. The Stories and Travelogues of Seven Vikings from Aros*. Højbjerg: Moesgerd Museum, p. 104-105.

Whittaker, H. 2006. Game-boards and gaming-pieces in funerary contexts in the Northern European iron age. *Nordlit*, 20, p. 103-112.

## REFERENCES

Brey, U., Tramp, D. 1990. *Arkheologicheskij slovar*. Moskva: Progress.

Gurevich, A. Ya. 1966. *Pokhody vikingov*. Moskva: Nauka.  
Dmitriyev, S. V. 2001. K voprosu o kulturnom statuse kholodnogo oruzhiya v traditsionnoy kulture narodov Sredney Azii. In: Froyanov, I. Ya., Astakhov, S. N. (ed.). *Euraziya skvoz veka: Sbornik nauchnykh trudov. posvyashchennyy 60-letiyu so dnya rozhdeniya D. G. Savinova*. Sankt-Peterburg: SPbGU, s. 234-237.

Komarova, L. N. (ed.). 1994. *Sovremennyy slovar inostrannykh slov*. Sankt-Peterburg: Duet.

Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov)*. Novosibirsk: IAET SO RAN.

Lebedev, G. S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope*. Leningrad: LGU.

Lyu Maotsay. 2002. Svedeniya o drevnikh tyurkakh v srednevekovykh kitayskikh istochnikakh. *Byulleten Obshchestva vostokovedov*, prilozheniye 1.

Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskiye drevnosti Sayano-Altaya v VI—X vv*. Sverdlovsk: UrGU.

Papanova, V. A., Toshchev, G. N. 2014. Kurgany u s. Dmitrovka Berdyanskogo rayona Zaporozhskoy oblasti. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, XVII, s. 107-121.

Papanova, V. A., Toshchev, G. N., Golik, A. A. 2015. Raskopki kurgannogo mogilnika u s. Dmitrovka Berdyanskogo rayona Zaporozhskoy oblasti. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, XVIII, s. 52-76.

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kultura*. Moskva: Nauka. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 142.

Pletneva, S. A. 1983. Srednevekovyye «amazonki» v evropeyskikh stepyakh. In: Pryakhin, A. D. (red). *Arkheologicheskije pamyatniki lesostepnogo Podonia i Podneprovia I tsysacheletiya n. e*. Voronezh: VGU, s. 9-20.

Pletneva, S. A. 1989. *Na slavyano-khazarском pograničye. Dmitrovskiy arkheologicheskij kompleks*. Moskva: Nauka.

Pletneva, S. A. 1998. «Amazonki» kak sotsialno-politicheskoye yavleniye. In: Kukushkin, Yu. S. (ed.). *Kultura slavyan i Rus*. Moskva: Nauka, s. 529-537.

Pletneva, S. A. 2003. *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekovia (IV—XIII veka)*. Voronezh: VGU.

Potemkina, T. M. 2009—2010. Sotsiokulturnyy aspekt zhenskikh polovetskikh pogrebeniy so statusnymi predmetami. *Donetskij arkheologicheskij zbirnik*, 13—14, s. 135-144.

Potemkina, T. M. 2012. Ierarkhiya polovetskoy znati (po pogrebeniyam so statusnymi predmetami). *Stepi Evropy v epokhu srednevekovia*, 10: Polovetskoye vremya, s. 7-36.

Raspopova, V. I. 1980. *Metallicheskiye izdeliya rannesrednevekovogo Sogda*. Leningrad: Nauka.

Savinov, D. G. 1994. Mogilnik Bertek 34. In: Molodin, V. I. (ed.). *Drevniye kulturny Bertekskoy doliny*. Novosibirsk: Nauka, s. 104-124.

- Semotyuk, O. P. 2008. *Suchasnyy slovník inshomovnikh sliiv*. Kharkiv: Ranok.
- Seregin, N. N. 2011. Opyt vydeleniya sotsialno znachimykh elementov pogrebalnogo obryada naseleniya tyurksskoy kultury Sayano-Altaya. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya*, 4/2 (72/1), s. 180-185.
- Seregin, N. N. 2012. Obshchiye i osobennyye kharakteristiki zhenskikh pogrebeniy rannesrednevekovykh tyurok Tsentralnoy Azii (k rekonstruktsii nekotorykh aspektov gendernoy istorii). *Vestnik arkheologii. antropologii i etnografii*, 2 (17), s. 61-69.
- Seregin, N. N. 2013. Sotsialnyy kontekst kompleksa vooruzheniya v pogrebalnom obryade rannesrednevekovykh tyurok Tsentralnoy Azii. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 231, s. 113-122.
- Fialko, E. E. 2015. Amazonki vo vremeni i prostranstve. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 4 (17): Arkheologiya i prostir, s. 46-99.
- Khlevov, A. A. 2002. *Predvestniki vikingov. Severnaya Evropa v I—VIII vekakh*. Sankt-Peterburg: Evraziya.
- Khudiyakov, Yu. S. 2007. *Zolotaya volchia golova na boyevykh znamenakh: Oruzhiye i voyny drevnikh tyurok v stepyakh Evrazii*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye.
- Androshchuk, F. 2005. En man i Osebergsgraven? *Fornvännen*, 100, S. 115-128.
- Arbman, H. 1943. *Birka. Untersuchungen und Studien*, I: Die gräber. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Artelius, T. 2005. The Revenant by the Lake. Spear Symbolism in Scandinavian Late Viking Age Burial Ritual. In: Artelius, T., Svanberg, F. (eds.). *Dealing with the Dead. Archaeological Perspectives on Prehistoric Scandinavian Burial Ritual*. Stockholm: National Heritage Board, p. 261-276.
- Askeberg, F. 1944. *Norden och Kontinenten i gammal tid. Studier i forngermansk kulturhistoria*. Uppsala: Almqvist & Wiksells boktr.
- Bill, J., Daly, A. 2012. The Plundering of the Ship Graves from Oseberg and Gokstad: an Example of Power Politics? *Antiquity*, 86, p. 808-824.
- Brink, S. 2008. Who were the Vikings? In: Brink, S., Price, N. (eds.). *The Viking World*. London, New York: Routledge, p. 4-11.
- Byrne, F. J. 2005. The Viking age. In: Cróinín, D. Ó. (ed.). *A New History of Ireland: Prehistoric and early Ireland*, 1. Oxford University Press, p. 609-634.
- Callmer, J. 2006. Ornaments, Ornamentation, and Female Gender. Women in Eastern Central Sweden in the Eighth and Early Ninth Centuries. In: Andrén, A., Jennbert, K., Raudvere, C. (eds.). *Old Norse Religion in Long Term Perspectives. Origins, Changes and Interactions*. An International Conference in Lund, June 3—7, 2004. Lund: Nordic Academic Press, p. 189-194.
- Christensen, T. 1981. Gerdrup-graven. *Romu*, 2, p. 19-28.
- Christensen, T. 1997. The Armed Woman and the Hanged Thrall. In: Birkebæk, F. (ed.). *The Ages Collected from Roskilde Museum*. Roskilde: Roskilde Museum, p. 34-35.
- Dommasnes, L. H. 1979. Et gravmateriale fra yngre jernalder brukt til e belyse kvinners stilling. *Viking*, 42, S. 95-114.
- Dommasnes, L. H. 1982. Late Iron Age in Western Norway. Female Roles and Ranks as Deduced from an Analysis of Burial Customs. *Norwegian Archaeological Review*, 15, p. 70-84.
- Engh, A. K. 2009. Rike importfunn i vikingtidsgraver. In: Bergstam, J. (ed.). *Arkeologiske undersøkelser 2003—2004. Katalog og artikler*. Oslo: Kulturhistorisk Museum Fornminneseksjonen, p. 147-165.
- Gardela, L. 2012. Pochywyki i groby atypowe w świecie wikingów. Dawne problemy i nowe pytania. *Obcy. Funeralia Lednickie*, 14, s. 379-401.
- Gardela, L. 2013a. The Dangerous Dead? Rethinking Viking Age Deviant Burials. *Studia Medievalia Septentrionalia*, 23, p. 99-136.
- Gardela, L. 2013b. «Warrior-women» in Viking Age Scandinavia? A preliminary archaeological study. *Analecta Archaeologica Ressoviensia*, 8, p. 273-340.
- Gräslund, A.-S. 1980. *Birka: Untersuchungen und Studien IV, The burial customs: A study of the graves on Björkö*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Grooms, K. 2017. The Bones Didn't Lie: DNA Proves Viking Warrior was a Woman. *Promega Connections*. September 22.
- Gron, O., Hedeager Krag, A., Bennike, P. 1994. *Vikingetidsgravpladser på Langeland*. Rudkøbing: Langelands Museum.
- van Hamel, A. G. 1934. The Game of the Gods. *Arkiv For Nordisk Filologi*, 50, p. 218-242.
- Hedenstierna-Jonson, C., Kjellström, A., Zachrisson, T., Krzewińska, M., Sobrado, V., Price, N., Günther, T., Jakobsson, M., Götherström, A., Stora, J. 2017. A female Viking warrior confirmed by genomics. *American Journal of Physical Anthropology*, 8, p. 1-8.
- Hernæs, P. 1984. C 22541 a—g. Et gammelt funn tolkes på ny. *Nicolay*, 43, s. 31-39.
- Holck, P. 2006. The Oseberg Ship Burial, Norway: New Thoughts on the Skeletons from the Grave Mound. *European Journal of Archaeology*, 9 (2—3), p. 185-210.
- Jesch, J. 1991. *Women in the Viking Age*. Woodbridge: Boydell.
- Kjellström, A. 2016. People in transition: Life in the Mälaren Valley from an Osteological Perspective. In: Turner, V. (ed.). *Shetland and the Viking World: Papers from the Proceedings of the Seventeenth Viking Congress 2013*. Lerwick: Shetland Amenity Trust, p. 197-202.
- Lauritsen, T., Kastholm Hansen, O. T. 2003. Transvestite Vikings? *Viking Heritage Magazine*. 1, p. 14-17.
- Moen, M. 2011. *The Gendered Landscape. A discussion on gender, status and power in the Norwegian Viking Age landscape*. Oxford: Archaeopress. British Archaeological Reports International Series, 2207.
- Normann, L. E. 2008. *Viking Women. The Narrative Voice in Woven Tapestries*. Amherst, New York: Cambria Press.
- Price, N. S. 2002. *The Viking Way: Religion and War in Late Iron Age Scandinavia*. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History Uppsala University.
- Price, N. S. 2008. Dying and the Dead: Viking Age Mortuary Behaviour. In: Brink, S., Price, N. (eds.). *The Viking World*. London, New York: Routledge, p. 257-273.
- Price, N. S. 2012. Mythic Acts. Material Narratives of the Dead in Viking Age Scandinavia. In: Raudvere, C., Schjmdt, J. P. (eds.). *More than Mythology. Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in Pre-Christian Scandinavian Religions*. Lund: Nordic Academic Press, p. 13-46.
- Stolpe, H. 1889. Ett och annat på Björkö. *Ny Illustrerad Tidning*, 25. S. 4-16.
- Stylegar, F. A. 2007. The Kaupang Cemeteries Revisited. In: Skre, D. (ed.). *Kaupang Excavation Project Publication Series*, I. Aarhus: Aarhus University Press, p. 65-101.
- Svanberg, F. 2003. Death Rituals in South-East Scandinavia AD 800—1000. Decolonizing the Viking Age 2. Lund: Institute of Archaeology University of Lund. Acta Archaeologica Lundensia Series 4, 24/
- Thålin-Bergman, L. 1986. Die Waffengräber von Birka. In: Arwidsson, G. (ed.). *Birka II: 2: Untersuchungen und Studien. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, p. 4-10.
- Ulriksen, J. 2011. Spor af begravelsesritualer i jordfæstegrave i vikingetidens Danmark. Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab og fagområdet Arkæologi. *KUML*, S. 161-245.
- Varberg, J. 2011. A Norwegian Viking Queen and a Warrior Prince. In: Skov, H., Varberg, J. (eds.). *Aros and the World of the Vikings. The Stories and Travelogues of Seven Vikings from Aros*. Højbjerg: Moesgerd Museum, p. 104-105.
- Whittaker, H. 2006. Game-boards and gaming-pieces in funerary contexts in the Northern European iron age. *Nordlit*, 20, p. 103-112.

*O. Ye. Fialko*

## AMAZONS IN VIKING AGE

Amazons are usually associated with the period of the early Iron Age. However, a large number of graves of armed women of the early Middle Ages are known in the territory of Eurasia. In the Scandinavian countries, the period of the 9<sup>th</sup> — the first half of the 11<sup>th</sup> centuries was called the «Viking Age». This period is related to the military, commercial and demographic expansion of the Scandinavians. During the archaeological researches, burials of women with weapons were recorded in the cemeteries of Denmark, Norway and Southern Sweden. They constitute a small series of 16 funerary complexes.

Typically, the female warriors were buried in individual graves, and only occasionally they were accompanied by a woman or a child. Only in two cases armed man and woman of equal social level were placed in one grave. In the necropolis, the graves of the Amazons are usually localized among the military graves. On the territory of Western Europe, both rites of burial of warriors — inhumation and cremation are registered.

The age range of female warriors is quite wide — from 10 to 50—60 years, with the domination of young

women. The material complex showed that women's weapons were intended for both remote (bows and arrows, spears) and close combat (swords, knives, axes). And in this period preference was given to axes. Several graves of female warriors were accompanied by a horse or a set of horse ammunition. This means that women could also fight in the equestrian battles.

Based on the range and the number of weapons, the Amazons of the Viking Age mainly were part of the lightly armed units. These women took up arms on a par with men in moments of acute necessity — periods of seizing of new territories or defending their lands from an external enemy.

**Keywords:** Amazons, Burials, Weapons, Eastern Europe, Scandinavia, the Viking Age, the Early Middle Ages.

*Одержано 12.05.2017*

**ФІАЛКО Олена Євгенівна**, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *ofialka@ukr.net*.

**FIALKO Olena**, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *ofialka@ukr.net*.